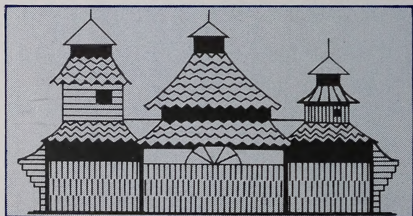
БѢЛЕНЬКІЙ

Записки изъ Верховины



ЗАПИСКИ
ИЗЪ
ВЕРХОВИНЫ.

Написалъ:

Бѣленькій.

Унгваръ,
Книгопечатня „Акційнаго Общества Уніо“
1907.

Записки изъ Верховины.

Написалъ: **Бѣленькій.**

Горы, наши горы, наши бѣдны горы!
Что за дивна сила васъ тутъ наметала,
Лучь тепленькій солнца отъ земли украла?
Крыете-ли въ нѣдрахъ для васъ лучщу долю...?

(Митракъ.)

Путешествіе по Верховинѣ, выплатится всякимъ чиномъ. Душа, прибита журбами каждодневнаго живота, свободно можетъ подлѣтати въ голубое небо, восхваляючи всемогущность Создателя, а вмѣстѣ заразомъ и подивляти чудеса сотворень, что тутъ даются видѣти. Они призываютъ до себе зломану душу, обезсиленну волю, обы вглубилася въ тоты

чувствія, яки выкликаетъ подивленіе сихъ безконечныхъ горъ, безнастанныхъ красотъ и безграничныхъ бѣдностей.

Давно тота приказка: кого душа болить, природа загоить. Такъ то и правда: Верховина, то нашъ сцѣляючій, потѣшаючій лѣкъ, котрои горы, рѣки, долины, растенія, словомъ все, что звется „наша земленька“. Хотя бѣдна, обдерта неплодюча, пайесоватыми чужинцями обшарпана и вызыскована, та однако наша. Не чужа, наша . . .

Не малое се слово. Бо Верховина однакожъ выживила не одного поколѣння. Отъ давнои давнины живутъ тутъ наши люди, тожъ она всетаки мати наша, котру мы повинны любити, такъ якъ Богонько приказалъ родну матку чествовати. Тяжко-важко тутъ провадити житье, но за ото честно. Бѣдный та темный нашъ народъ Верховинскій, но честный та богобойный; матка Верховина не по-

зволяетъ своимъ дѣтемъ розбишаковати: на Верховинѣ не есть злыхъ людей!

Видъ природы удивляетъ человѣка, смотриме еи душею маляря, ци окомъ господаря-газды, цй съ пристрастью туриста. Маляреви силуются подъ щетку дивны твары и постаты, чудесны перемѣны и закраски, въ котрыхъ цѣлою душею можетъ углублятися; туристови приростаетъ охота при каждомъ кроку, обы больше та все больше видѣти; людописцеви (етнографу) вытворяется цѣлый скарбъ народного житья, господарь же чужинецъ съ подивленіемъ сплескаетъ руки отъ нерозумѣлого ему положеня: якъ можутъ тутъ люди жити, на хлѣбъ заробляти?

Цѣлькомъ правда, если смотриме матеріальное положенье майже всѣхъ руснаковъ, особливо Верховинцевъ нашихъ, выкликаетъ у смотрителя на першый видъ дуже смутны гадки. Но горамъ придивлятися и горы узрѣти: то не одно

и само. Если близше приступиме до дѣла та впознаеме народъ, мимовольно приходитъ мысль: аджежъ тутъ тысячами лѣтъ жили люди, та якось перебудутъ еще и на дале якійсь часъ. Хотя правда, изъ другои стороны выринаетъ опятъ не весела думка: якъ долго . . .?

Но, поневажъ всдохъ стоитъ въ дуже близкой сродности съ позѣваньемъ, мы не желаеме никого симъ письмомъ до позѣвань допровадити, бо теперь не пишеме елегію, оплакуючу бѣдноту верховинцевъ, только просты записки путевы.

Не есть большои утѣхи, бодай менѣ, якъ проходжувати изъ одной околицѣ на другу, придивлятись людемъ и природѣ. Отъ полонинского воздуха почувается душа легкою, внутренна сила приберает охоты до роботы, до добрыхъ дѣлъ и намѣреній: человѣкъ чуется спокойнымъ, счастливымъ. И кромѣ счастливости допоможетъ человѣка така про-

гулька не великимъ коштомъ — фельетонъ написати для Науки.

Солнце уже высоко стояло, коли мы вырушили изъ гостинного дому о. приходника въ Волосянцѣ. Лучи сонця озолотили цѣлый круговидъ, котрый впрочемъ не былъ такъ великій, бо ходили есьме въ долинѣ, изъ обохъ боковъ стромкими горами ограниченной. Мой товаришъ сопутникъ не былъ призвычаенный до ходу меже полонинами, та оставалъ на каждомъ десятомъ кроку позаду припочивати, прикрываючись нѣбы тымъ, что фотографичны снимки хочетъ робити. Даремно напоминалъ его панъ Сойка, нашъ путевождя, церковникъ волосянскій, — что то лишь въ первыхъ годинахъ будетъ ему такъ трудно, позднѣйше же привыкнетъ. Что дальше драпаючися въ гору, званну тутъ „груньемъ", все лѣпше не ставало ему силы, тому то мы посѣдали всѣ тріе подъ одною дикою яблоньною. Нашъ вождя зачалъ всяки былицѣ

и небылицѣ проповѣдати, обы лишь провести часъ супочинку съ забавленіемъ утомленного товариша.

— Знаете панове, у насъ дуже тяжко жити, саме такъ, якъ намъ теперь тяжко было драпатися на сесю гору. Тутъ меже сими великими горами изъ перву и не было людности, наши люде присувалися лишь помаленьки изъ низины въ гору, принужденны бѣдою.

— Коли еще Іисусъ Христосъ — святилъ бы ся — ходилъ съ Петромъ по земли, походили майже всю землю та завернули и на Угорщину. Ишли-ишли собѣ, доки „побероваліи“ доходити, куда лѣпша, ровна была земля та каже Іисусъ: Но, досѣ най живутъ люде, сюды можутъ жити! (Десь тамъ коло Хуста было ото.) А дале, якъ пообзерался идъ горѣ, та видѣлъ, что тамъ еще много береговъ, та пусть меже великими горами — туда лишь махнулъ рукою, самъ не зайшовъ туда, та казавъ: Та най живутъ люди и

туды по Верховинѣ, если хотятъ. Такъ ото было, что Христосъ на Верховину лишь рукою махнулъ: ажъ будетъ, будетъ; ажъ не будетъ, якъ собѣ хочетъ.

— Земля не родитъ. Добро, коли отдасть того, чого посѣеме, або посадиме. Орати не можно всяды, лишь по бокахъ идъ сонцю та и тото подъ вершкомъ, бо въ низъ сонце не присвѣтитъ. А землю, перепрошую, гноити дуже трудно такъ высоко.

— Якъ то? — звѣдаюся я — та ваши волики зможуть на верхъ повезти гной?

— А, где туда! Кошиками несеме его мы сами. Та и не разъ, якъ прійдетъ дождь великій, все понесетъ изъ груня въ рѣку. Тому то и такъ худы наши ораницѣ. Села хоть далеко лежать одно отъ одного, но прото хотаръ не великій, котрый хосновалъ бы ся. Разъ тому, что где земля лѣпша, призначили ей при комасаціи графу Шенборкови, а

вдруге тому, бо плодючой землѣ дуже мало меже камѣнями. Бо намъ лишь самы худы землѣ дали. Та и тоту землицю такъ треба сокотити, якъ дѣтину. Бо якъ сѣйбы вызеленѣють, приходять графски оленѣ та медведѣ, та если бы не стереглисьме при ватрѣ гукаючи цѣлу ночь, такъ бы знищили звѣрѣ, что хиба лишь плакати та голодовати до другого хлѣба.

— Та пушки не маете, обы убити тыхъ напастниковъ?

— Ба! А кто бы могъ за пушку кождого року пятьнацять срѣбныхъ платити? За таки гроши я годую себе и родину за цѣлы два мѣсяцѣ. Ось, видите паночку, тымъ берегомъ стоять за рядомъ побѣленны стовпы попри сѣйбы: то противъ оленёвъ! Онтамъ на другомъ боцѣ стоять въ овсу такожъ пудяла, тычки, прибранны въ подобіе человѣка, обвѣшанны всякими шматями-платами. То противъ медведёвъ.

Айбо медвѣдь, то паскудный и хитрый гость. Якъ загоститъ у овесъ, першое дѣло ему съ тымъ пуджаломъ упораитись: тычку переломить, шматя роздеретъ на дробно та повалить цѣлое пуджало на землю. Якъ симъ готовый, сядетъ собѣ на задны ноги, передными загорнетъ овесъ на цѣлый снопъ и зачнетъ жувати. Коли вычистилъ передъ собою просторонь, посувается напередъ такой такъ стоячи, та опять ѣсть и гармаетъ овесъ. Такъ, что за одну ночь, если не втямлять его газдованя, розтолочетъ цѣлу сѣйбу и робить въ ней цѣлу улицю.

— А есть тутъ медведёвъ много? — зазвѣдалъ церковника перестрашенный товаришъ.

— О, ци? паночку, есть такій часъ, коли потиснетъ морозъ, что залѣзаютъ и въ село та волы вбиваютъ. Но въ такой порѣ, якъ нынѣ, не есть чого ихъ боятись. Теперь, у лѣтѣ, не кпваютъ

они человѣка, бо вдовольняються и яблоками та малиною.

Ось, видите паночку, сеся яблоня дуже много родить, подъ котрою тутъ сидиме, тожъ и радо приходять сюда медведики. Минувшого року я самъ видѣлъ изъ тамтой колибы, котра онтамъ на противномъ грунѣ, якъ ишла сюда медведиця съ двома бочаками до сей яблонки. Стара выхопилась на дерево и стала рвати та смачно кушати. Увидѣла своихъ малыхъ медведиковъ, что подъ деревомъ съ ожидаючими очами глипали на маму, зачала имъ трясти. Рясно падали яблока на землю, а бочаки жваво позаберали все до чиста. Потрясла и другій разъ, але тогды вже не падало только, якъ упередъ, та медведики хапаючи по яблокамъ повадилися меже собою, ги песики. Спершу мурчали одинъ на одного, потомъ докивнули собѣ головами и зачалась дранка страшенна. Побились, покусалися. Якъ мати заздрѣла,

что дѣти спорятся, ало! побѣгла изъ дерева та ляскъ! лопнула одного по потылицѣ. Бочакъ лишь захрипѣлъ, перевернулся та простеръ ноги противъ неба. Изомлѣлъ бѣдолаха.

Мама медведиця розжаловалася надъ своимъ такимъ острымъ осудомъ: зачала впередъ нѣжно будити, облизовати сына, ци тамъ доньку. Потомъ перевертала его на всѣ боки. Якъ и сесе не помогло, взяла медведика въ зубы, понесла на рѣку и замочила ему голову у воду. Отъ холодной воды ожилъ медведикъ, розтворилъ очи та обтрясуючись дасколько разъ отъ воды, побѣгъ жваво подъ яблоню и ѣлъ та сварился и дальше.

— Ой Сойко, красну побрехеньку придумали вы тутъ намъ — кажу я усмѣхаючись.

— Не вѣрите паночку? Абы'мь сталъ полякомъ, если не правду говорю.

— А чому вамъ такъ не любляться поляки, что такъ на нихъ прирѣкаетесь?

— Чому? Тому, бо изъ поляка кедь не песъ, то собака! Абысьте знали, та готово. Можете выписати и въ Науцѣ, изъ котрои бывало нашъ учитель таки красны дѣла вычитаетъ намъ, что онь любо слухати. Божечку, яка шкода, и жаль менѣ великій, что я не письменный!

— Якъ то? — звѣдаю — Вы такъ розумный чоловѣкъ, а не вмѣете читати?

— Та и одки бы знати? коли я молодый былъ, не дуже клопотались за мною, обы до школы ходити; та такой и не было поряднои школы. А теперь, на стары лѣта вже годѣ научитись.

— А много у васъ письменныхъ?

— Та такъ прошу, на цѣлое село хиба пять-шѣсть, что зовутъ ихъ крылошанами, бо въ крылосѣ знають спѣвати. А кромѣ нихъ хиба дѣти знають подешто шильобати, та и то лишъ по мадярски. Если бы не панъ отецъ духовный, то передъ аломськимъ учите-

лемъ не знали бы и Вѣрую та Апостолъ въ церкви читати.

— Сколько роковъ маете вы Сойко?

— А знаетъ его бѣда! Не годенъ точно повѣсти, гдесь такъ коло пятьдесятого топчу.

— А дѣтей маете?

— Есть пять хлопцевъ та ще колько дѣвокъ. Айбо панове, часъ бы вже рушити, бо не дойдеме до дня до Пилипцяхъ.

Почалось опять драпанье въ гору. На вершку представлялся намъ чудесный видъ: въ окрузѣ до 3—4 миль виднѣлися самы горы за горами, якъ бы волны на морю, — съ загородженными царинами совсѣмъ лисы грунки полонинськи съ густою великою травою, въ котрой громади овецъ пасли.

Овчари были вже послѣ полудневнымъ доеньемъ. Одинъ изъ нихъ трубилъ у величезну трубину довгу на три метри; звукп роздались по цѣлой долинѣ, отби-

ваючись въ противны боки, якбы нагадували стару овчарську пѣсню, коли то опришки напали на овча[illegible] овцы ему забрали, егожъ самого хотѣли убити. Ледвы зналъ выблагати въ нихъ, обы ще послѣдный разъ загралъ на трумбитѣ та потягнути жалостно:

Татуню, татуню,
Бери на ся гуню!
Мене повязали,
Та овцы заяли . . . !

Товаришъ не зналъ, куда приставляти свою машину, обы чудесный край отфотографовати. Холодный вѣтеръ продувалъ, упрѣлое тѣло дрожало. Отъ востока далъ видѣтись бѣлый вершокъ „Жида“, покрытый снѣгомъ, оттуда заношовалъ вѣтеръ милы звуки трумбиты, а меньше милый холодъ. А то было въ мѣсяцю — августа!

Дорога вела вже по сему все и все въ низъ, въ долину почалися дерева, ажъ насъ закрылъ густый, пахучій лѣсъ

смерековый, полный керницями съ квасною водою, освѣжаючимъ воздухомъ, та побожностю что душу поднимать до неба. За хвильку не было, видно ничого, лишъ лѣсъ, лѣсъ, густый лѣсъ. Насъ проглотила гущавина.

Сойка, что былъ на передѣ, разъ у разъ пощугнуетъ тайстру узадъ, котра отъ галузъ все пошибнулась на передъ. Галузя били насъ въ голову, око, где — тамъ, якъ бы карати хотѣли насъ за переступъ лѣсового спокою. Пробивалисьмеся великимъ трудомъ въ гущавинѣ.

Отхиляючись великого голуза, ударило Сойку одно с у ч ь е по головѣ и то такъ чамяно, что сарака майже впалъ на землю. Кажу ему:

— Сойко, чому дозираете усе лишъ тайстру свою, а не очи? Видите, тогды бы не досталисьте такій ударъ на око.

— Ой, пане, я бы не лишился своей

тайстры ни за якій свѣтъ. Стратилъ бы'мь свое счастье.

— Якъ то? таку силу маетъ ваша тайстра, что счастя можетъ давати?

— Прошу пане, я не годенъ повѣсти, якъ и что. Тото вже у насъ така останова, безъ тайстры нигдє не ити. Боже ухили, обы я ей лишился. Ось, заразъ тутъ будетъ село, та не будетє видѣти ни одного чоловѣка безъ тайстры

По правдѣ, нашъ вождя истинно говорилъ, якъ о томъ я позднѣйше убѣдился. Не знати, по якой причинѣ кожда одиниця мужеского полу тайстру свою усе на собѣ носитъ. Якъ начнетъ только ходити хлопчиско, перша его забава то тайстринка полотняна, съ нигда не залишеннымъ ножикомъ — бѣчакомъ. Якъ уже подрастаетъ, тайстра необходима коло скотарства або до роботы. Въ паробка — легиня перемѣняется полотнян: тайстра на кожану съ гузиками та свѣтлыми пряшками, въ котрой находится

кромѣ ножа кремень съ оцѣлемъ та вакелия. Для бирова граетъ тайстра еще важнѣйшу роль, именно служитъ въ него для канцеляріи. Бо въ бировской торбѣ находите хоть коли, день и ночь, печатку сельску, папѣрь, карандашъ, урядовы письма: словомъ, усѣ громадьски справы у тайстрѣ. Сію тайстру не изметаютъ русснаки ни въ ночи, ни въ церкви, ни коло стола, тымъ меньше при роботѣ. Даже коли дрыва рубать, не кладетъ еи руснакъ на бокъ, но волѣетъ подвойну роботу робити: дрыва рубати, та тайстру каждои минуты на взадъ штовхати плечемъ.

Тымъ часомъ мы заблудили въ лѣсѣ.

Сойка чухался въ потылицю, загиговалъ, крутилъ носомъ на всѣ вѣтры въ конци мусѣлъ таки признатися о ѣмъ. Та теперь куда?

Довкола густа гущавина лѣсу смерѣкового, якои хиба въ Африцѣ видати. На десять кроковъ не можно видѣти, а

мы тутъ мусиме блукати безъ выходу по лѣсу въ товаришествѣ двохъ людей, Богъ зна' скольких медведёвъ та дикуновъ . . . .

Ажъ ось! Церковникъ поднимаетъ носъ въ гору, вертитъ нимъ сюда-туда. Очивидно чогось завѣтрюетъ. Въ конци закрикнетъ на цѣлое горло: — Тутъ есть село!

— Где? — звѣдали мы съ удивленіемъ, не видѣвши ничого кромѣ конаревъ смерекъ.

— Тутъ повинно быти недалеко! Не чуете панове сесь запахъ? То идетъ отъ села.

Справдѣ, за не великимъ ходомъ вымоталося передъ нами изъ меже деревъ село. Истинно, давался чути и намъ якійсь чудный запахъ. Якась дивна мѣшанина чаду — дыму — гною та погорѣлои соломы, что до насъ изъ села долѣтало. Се такое свойство русснацкого села, якъ запахъ розы, якъ пѣрье птаха, якъ по-

сликъ по за ушми жидовскими. Изъ запаху можно село спознати. Происходитъ онъ изъ подъ соломяной стрѣхи, перенятой дымомъ, котрый изъ недостатку комина протягается черезъ солому и берницѣ хижны, та доки встигне выдобытися на вольный воздухъ, такъ переѣсть солому, стрѣху, дерево, чго запахъ дымный остается вѣчно по надъ хижою и въ нутрѣ ей. Коли пакъ повѣетъ малесенькій вѣтеръ, запахъ скоро розлѣтаетъ по цѣлой поблизькости.

Изъ великаго грунка треба было намъ спускатися въ долину. Сойко, отрадѣвше открытьемъ села, зась держалъ насъ словомъ, съ готовостью отповѣдаючи на наши всяки звѣданя.

— Знаете панове, у насъ хижа не такъ будуется, якъ по городахъ та богатыхъ селахъ. Разъ тото, что долины наши дуже вузкѣ, не можно хижу по при хижы устроити, но якъ самы видите, одна тутъ, друга тамъ на сто кроковъ

дальше. Хотъ сесе и не такъ зле, бо встигне огень дагде быти, сусѣдови не треба боятися, что сгоритъ и его обыйстье. А въ друге то, что въ насъ не робится подъ хижу фундаментъ съ ямами, бо кладеме только пару плитъ на голу землю Божу, обы хижа ровно стояла. На сесѣ притягнутся стѣны ивъ на половину розколотыхъ берницъ, на стѣны стрѣха, козлы и жолобниця та готово. Лишь розкласти въ пецу огень. Обы пакъ у зимѣ студено не было, понапыхаются прогалины меже стѣнными берницами мохомъ та глиною. Айбо зато не думайте, что наши хижы слабонькѣ. Есть у насъ хижы построенны передъ двѣста роками, та еще и теперь моцны. Хотя и тото правда, если хижа будуется не на годномъ мѣстѣ, не будетъ долго тревати.

— Что то такое „годное“ мѣсто?

— Не знали бысьте? Аговъ! та чого васъ учатъ тамъ у школѣ, если и сего не знаете? Та прошу, тото такъ. Коли

кто хижу хочетъ поставити, на самый передъ повиненъ годного мѣста собѣ выпозировати, то есть такое мѣсто, на которомъ не есть чортовои колячки. Бо если сесе зѣлье где-небудь находится, тамъ хата пропадетъ.

Ось и въ Волосянцѣ якъ разъ пять лѣтъ тому назадъ розторгалъ чортъ таку хату. Была она по при дорозѣ на маленькомъ грунку. Та разъ — ни сюда, ни туда — почалася она сувати такой такъ цѣла хижа изъ мѣста свого и за двѣ минуты поховзнулася въ долину та стала ажъ на чиненику, перегородила дорогу въ поперекъ. А свинѣ, корова, люди у хижи были, коли рушилъ ними чортъ. Переполошены люди скакали черезъ цѣвку и стрѣху, даже и черезъ окно, где николи ледвы ци перемѣстилбыся чотыритыждневый баранокъ.*)

*) Се случилося во истиннѣ изъ тои причины, что отъ туркоту возовъ, что хатѣ поприѣзджали, хижа потряслася, а перемоченна отъ дождью земля зачала

Каменну хижу будовати, то дуже дорого бы было. Лѣпше намъ въ деревлянной, бо то и дешевша, скорше устроема та и теплѣйша. Та еще изъ иншои причины любиме ей, бо аддека если приходитъ повѣнь, вода рознесла бы каменну або глипяну хижу, та и вѣчно мокрою бы стояла; а деревляну хижу, коли уже слакомится на ню, хиба подвалить та понесетъ. Поплынетъ вода, такъ и привеземе ей назадъ мотузами та гаками. У насъ церковь перенеслася изъ одного мѣста на другое, а съ одною хижою не годны бы есьме собѣ рады дати?

— Якъ то? — кажу ему — ваша церковь перенеслася?

— Ой такъ, прошу. Наша старенька выслуженна уже завалилася, нигде было

розсыпатися подъ хижою, наслѣдкомъ чого рушила и сама хижа у свѣтъ. Айбо, правда, руснаки толкуютъ сесе собѣ инакше, чортомъ, бо такъ лѣпше сподобается имъ.

Богу молитися, та купилисьме въ Галичинѣ такожъ деревляну церковь, адде недалеко отъ насъ у пригранично̣мъ селѣ Немировѣ. Розобрали, всадили на возы, перевезли черезъ границю орсацьку та зась поставили въ насъ.

Попа не было дома, тому то мы припросилися до бирова, обы насъ переночовалъ. Тутъ засталисьме уже двохъ жандаревъ, что у службѣ были, та завернули до бирова, где имъ и законно належится ночовати. Бировка саме тогды ладила имъ вечерю, тожъ и мы маеме надѣю дачто перекусити.

Бировское обыстье ни въ чемъ не розлучалося отъ другихъ сельскихъ хижъ. Така сама чорна, курна стрѣха, небѣленны стѣны, величезный пецъ, нестерпимый дымъ, якъ у кождой простой хижѣ.

Айбо приглянимся, чого робитъ бировка.

На самъ передъ розложила ватру у пеци, откуду дымъ, немаючи выходу

въ гору, розтягся по цѣлой хижи. Якъ наполнилъ кожду дѣрочку и кождое мѣсто, ласкавый былъ подниматися къ стелѣ, званнои тутъ п о в а л о та доки найшолъ тамъ для него приготовленну дѣру, такъ розпановалъ у хижи, что мы кромѣ свого носа сперву ничого не видѣли. Позднѣйше маленько розвиднѣлося та мы увидѣли бировку, что пораилася коло горшка, въ котромъ кипѣла вода. Бировка голосно молилася. О семъ вже мушу еи звѣдати:

— Чого вы молитеся бировко, коло вареня стравъ?

— Та пане, якъ видите, яйця варю. Та обы не переварити и недоварити; скажу трираз „Отче нашъ“. Бо годинки въ насъ не есть. За три отченаши „ипенъ“ добры. Уже и готовы, прошу васъ за столъ.

Яйця смачны, айбо и мы голодны были.

— Ци любите пироги пане? — звѣ-

дается мене самъ газда бировъ — завтра таки день праздничный, то почастуймеся усѣ доброю стравою. Марьо! скоро вари для пановъ пироги!

Я по правдѣ дуже люблю пироги, тожъ съ немалою нетерплячкою ожидалъ на нихъ. Заломлючи яйця одно за другимъ добрѣ приглядався, якъ будетъ бировка мои славны пироги готовити. Кто бы случайно не зналъ, якъ они готовлятся на Верховинѣ, тому выпишеме отсесю рецепту:

Овсяну муку пересѣвай на рѣдкомъ ситѣ и вымѣси изъ неи тѣсто съ горячою водою на твердо. Изъ тѣста, обсыпленного мукою, вырывай кусники у величинѣ пяста, изсучи ихъ въ рукахъ на подобіе кулѣ, потомъ розмяцкай меже долоньми доты, докп кругла куля не приберетъ форму потячого гнѣзда. Возьми кусники варенного крумпля, ци тамъ бриндзу якъ собѣ хочешь, и понапыхай ихъ въ гнѣзда, загинай у двое такъ, обы

два краи сходилися. Поплювай собѣ пальцѣ и слиною залѣпляй та розклади ихъ на столѣ за рядомъ. Якъ усѣ готовы, вложи ихъ въ кипячу воду въ горнець, най варятся за добрый часъ ажъ не повылѣзаютъ на верхъ. Котры выходятъ, клади ихъ у студену воду. Коли всѣ выходятъ, перецѣдивши ихъ помасти олiемъ або масломъ (чимъ старшымъ, тымъ лѣпше). Подкоти рукавы и перемѣшай пироги въ дереляной мисцѣ; та обы масть добрѣ зайшла у кождый пирогъ, припери миску до грудей, къ той частинѣ сорочки, котра хоснуется вмѣсто серветки, а миску разъ-у-разъ подкидуй, обы пироги подскакуючи перепоѣлися мастю Та обы не выскочили подъ той гимнастикою изъ миски на землю, притискай миску моцно къ грудемъ, такъ что если верхны пироги подскочатъ, обы на сорочку падали, откуду совсѣмъ безпечно можутъ покарбулятися опятъ у миску. Якъ усѣ порядно масны,

подай страву гостемъ. (Если имъ хочется).

Потомленны трудомъ путешествія, поклалисьмеся спати. Газда и газдыня высадилися на грубый пецъ съ дѣтьми, а мы на постели, та котрый куда по земли. Постель была дуже проста: чотыри колы въ землю, на нихъ дошки, жменя сѣна вмѣсто заголовка. Шапдаръ каже намъ по мадьярски:

— Отъ то-то еще и добрѣ намъ, бодай усѣ люди то, что тутъ лежатъ. Айбо былъ я таки тутъ у зимѣ минувшого року, памятный былъ менѣ тотъ вечеръ и ночь. Коло постели баранъ спочивалъ та румигалъ, подъ постелю качата, на бантѣ когутъ. По хижи поросята бѣгали бавлячися съ курчатьми, а въ кути хлопчикъ простерся у великомъ побратимствѣ съ телятемъ. Годѣ было уснути отъ вѣчного шуму, шелесту, скропоту и хропоту на перемѣну. Въ полусоню чую разъ чогось теплого на лицю.

Съ перестрахомъ вытворивши очи вижу, что то теля хочетъ познакомитися со мною при помочи свого довгого — языка. Та така уже наша доля шандарська . . . .

Рано подяковали мы бировови за гостинность та рушили въ дорогу, теперь уже у товариствѣ шандаревъ. Приказовали они не одного смутного — веселого изъ житья Верховинцевъ. Жаль хапаетъ и порываетъ сердце на думку: якъ могли люди, Божы створѣня, дойти до такого упадку, до такои низькои степени людськости? Тадь сесѣ живуть майже такъ якъ скоты! Чому они такъ темны, непросвѣщенны? Ци есть способу выратоватися имъ изъ такого смутного положеня?

Головна причина сему безспорно жиды та тотъ, кто ихъ сюда запровадилъ, або что одно, позволилъ имъ тутъ оселитись. Правительство принесло остры законы противъ лихвы, айбо чого законъ, коли никому его перенести? Шандары знали

бы много росказовати, чому не мае силы законъ противъ жидовского обманства, айбо и наши сопутники казали: Головонька заболить, коли ротикъ говорить...

Та бо лишъ самы жиды винны тому? Чому дасться руснакъ обманути жидомъ? Чому не стоваришуеться руснакъ, такъ якъ иншн народы роблять: складають кассу позычкову, купують у своихъ склепахъ, закладають читалнѣ та учаться... Ба! читалня! коли панъ превелебный та учитель не журяться читалнею, якъ жадати отъ простыхъ темныхъ людей, обы безъ проводу сами кивалися? Дуже много вины тому нашы учены люде, что только неученыхъ у насъ! А то якъ легко приступати до розуму простого человѣка та навести его до доброго! Треба лише вмѣти заговорити до него, та давати ему хосенны книжочки до читаня, обы и самъ хапался за читалнею, за склепомъ не — жидовськимъ. Та бо кто напишетъ тоты популярны — народны книжочки...?

На пути стрѣтилисьме караванъ руснацкій. Дванадцять коней, коло кождого коня властитель съ батогомъ, таки пѣшки, а на кождомъ кони у живописномъ убраню — женщины, сидячи таки по мужеському у сѣдлѣ. Здоровкаемеся:

— Дай Боже здоровля!

— Дай Боже и вамъ гораздъ!

— А где ходилисьте?

— Ото, былисьме на хлѣбъ до Хуста.

— До Хуста? Тадь то пятьнадцять миль сюда!

— Та годѣ! У насъ мелай не родиться, а челядь не можетъ обыйтися безъ мелая.

— То вы у бисагахъ мелай несете?

— Мелай.

— Та чому не кладете бисаги на сѣдло, коли и сами сидите въ немъ, а цубрите ихъ на плечахъ?

— Чому? Эге, обы коневи легше было. Бѣда въ томъ, что мы запоздили, у праздникъ мусиме волочитись. Кобы

бодай на службу Божу успѣти. Ча! ты лѣнюху!

Саме въ часъ службы Божой добилисьмеся села В. Перепхатися черезъ толпу гуней, набратись изъ кождои на памятку по волосови та ставитись поза олтаромъ — выплатилось. Чудесный нашъ церковный обрядъ съ своими розговорами и спѣвами! А еще роздивитись меже сею справдешною выставкою этнографичныхъ усякостей!

Господи, сколько людей у церкви! Якъ щиро молятся, бють поклоны, бються о грудяхъ, а якъ полна будетъ по вечерни корчма! Если бы лишъ кождого десятого научити на буквы та книжку дати въ руки: не пошолъ бы тыждневный заробокъ до корчмы. Передъ полуднемъ слухаетъ проповѣдь противъ пянства — паленки, а по полудню коло скляницѣ токмиться вже съ своею совѣстю:

И я не пий, и ты не пий!
Та кто буде пити?

Та кто буде на жидовски
Сироты робити?

Но мали бы наши люди иншои забавы, лишъ корчму? Або безъ думокъ сидѣти въ загородѣ та мріяти, якъ бы найти мѣсто, где грошѣ въ земли горять? На жаль, руснакъ не любитъ громадського житя, кождый творитьcя лишъ самымъ собою, и панъ и простакъ . . . Новотнѣ руснакъ не любитъ: „И дѣдо мой такъ жилъ, всетаки выжилъ свого вѣку“. Не учиться ничого нового, тымъ часомъ свѣтъ иде швыдко напередъ, бо кождый выхоснуетъ того, чого наука учитъ, лише руснакъ остаетъ усе позаду. И въ гадцѣ не маетъ того, что житье свое повиненъ перемѣнити, бо инакше згинетъ. Изъ бѣды не хочетъ вылѣзати: якось усе буде! Се потѣха для него.

Тымъ часомъ свѣтъ усе мудрѣетъ, усе поступаетъ дале, тому то и руснаки повинны поступати. Треба лише щирыхъ людей изъ межи тыхъ, котры

по словамъ Христа повинны клопотатись на хосенъ меньшого брата, ближнього свого, темного, бѣдного мужика, бо рука руку мыетъ . . .

Мы увѣренны, что найдуться и въ насъ таки пачы, котры навчатъ руснака на лѣпшое житье, айбо до того треба на самъ передъ роспознатися съ его теперѣшнымъ житьемъ, та потрафити до его сердця заговорити . . . Велика задача, айбо не дуже то тяжка. Не забывайме: Богъ кождому по своему заплатить! А се наша потѣха . . .